

«В полном отрыве от школьных занятий...»

Недолгая история педологии — «лженауки», прописавшейся в советских школах 1920-х–1930-х годов

Что делать, если на улице дождь?

Что это за должность такая — педолог, дававшая ее носителю право командовать детьми и уверенно навешивать политические ярлыки? Вряд ли в наше время кто-то это представляет... Между тем педологи действительно были важнейшим элементом жизни детей в 1920-х — первой половине 1930-х годов.

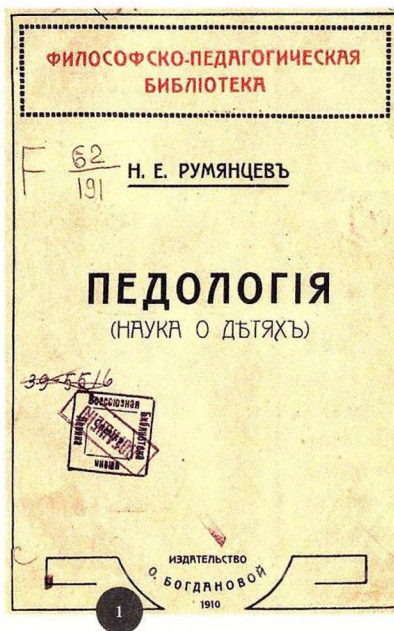
Представим краткую схематическую характеристику их деятельности, используя цитаты из официального документа. Итак, в школах педологам доверили «важнейшие функции по руководству школой и воспитанию учащихся». На педологов возложили «обязанности комплектования классов, организации школьного режима», «определение профессии оканчивающих школы, удаление из школ неуспевающих и т.д.». Деятельность педологов заключалась в проведении «среди школьников и их родителей» обследований, в ходе которых ученику задавались вопросы, а затем на основании анализа его ответов определялась степень умственного развития школьника¹.

Вот эпизод, изображающий жизнь 1927–1928 гг., в повести Ирины Шкаровской (1916–1986): «На последних уроках должна была быть химия. Но вместо учителя в класс вошли две незнакомые женщины. Лица у них были суровые и сосредоточенные.

— Тесты будут! Ура! — крикнула Липа.

Каждый месяц в школу приходили педологи проверять «одаренность» учеников. В такие дни поднималась невероятная суэта: расписание ломалось, учителя нервничали, а заведующий школой после уроков запирался с педологами и о чем-то долго с ними беседовал. Ученикам давались тесты по так называемой метрической скале Бине-Симона. Когда Инка училась еще в четвертой группе (классе. — Авт.), во время тестов ей велели произнести за три минуты как можно больше слов. Она так растерялась, что, кроме слова «доска», не могла вспомнить ни одного. Тогда педологи признали ее умственно отсталой, и по уровню развития ее должны были перевести во вторую группу. Правда, этого не сделали.

И вот сейчас, когда одна из двух женщин в очках сказала: «Подойди ко мне, девочка. Садись, посмотри на меня», — Инка сразу же почувствовала себя умственно отсталой.

◦ 1
Обложка учебника педологии. 1910 г.

— Вот тебе листок бумаги, — продолжала педолог. — Видишь, здесь начертаны попарно линии — четвертая и пятая, пятая и шестая, шестая и седьмая. Посмотри на них внимательно и скажи: какая больше?

Инка долго разглядывала листок. Все линии показались ей одинаковыми, но на всякий случай она ткнула пальцем в одну пару.

— Вот эта больше!

Педологическая тетя тяжело вздохнула, и по этому вздоху Инка поняла, что ошиблась.

— А теперь скажи мне. Вот ты собираешься в школу, а на улице дождь. Что ты будешь делать? Останешься дома?

— Я ведь не сахарная! — возмутилась Инка.

Но, оказывается, нужно было ответить так: «Если пойдет дождь, я надену калоши, возьму зонтик и тогда пойду в школу». Инка села за парту и посмотрела на листок, лежащий перед Липой. «Прочитай эту чепуху», — придвинула ей листок Липа. Инка прочитала: «Пруд дома от есть нашего недалеко». Слова нужно было переставить так, чтобы получилась правильная фраза. Это было нетрудно. Но на Липу напал смех, и она не могла вывести ни строчки. Инка тоже начала смеяться, и их попросили выйти из класса. Потом педологи долго изучали ответы, что-то подсчитывали и выводили среднюю оценку. Они ушли, сохраняя на лицах то же сурово-сосредоточенное выражение. Тесты показали, что это не группа нормальных школьников, а отделение сумасшедшего дома².

«Отвезите меня назад...»

Писатель Вадим Шефнер (1915–2002) вспоминает о том, как проходило «педагогически-педологическое судилище» в одной из ленинградских школ в 1929–1930 гг.: «Слово взяла дама-педолог из РОНО. Говорила она долго и так научно, что я не мог понять, к чему она клонит. Но когда она охарактеризовала меня как «подростка, которому угрожает дегенеративно-психологический сдвиг», у меня мелькнула догадка, что она здесь —

главная моя врагinya, она хочет засобачить меня не то в школу для дефективных, не то в психбольницу. Надо учесть, что в те времена слово педолога имело большой вес... Меня постановили перевести из 215-й школы в 219-ю, — и в школу отнюдь не дефективную, а вполне нормальную»³.

Вот еще одно свидетельство о влиянии педологов на судьбы детей на рубеже 1920-х — 1930-х гг.: «В 1928 году меня отдали в школу... Когда я начал учиться, существовал еще бригадный метод. Потом увлеклись педологией. Нас водили на профотбор, где задавали различные тесты и по ним устанавливали, кто к чему способен. Мне в пятом классе сказали, что я более всего склонен к химии. Поверив в это, я купил пробирки, колбы и реактивы, смешивал купорос еще с чем-то, чтобы получилось еще что-то»⁴.

На основании проведенных исследований педологи могли признать ребенка умственно отсталым и отправить в специальное учреждение. Читаем в документальной повести о воспитанниках детского дома в Петрограде 1923–1924 гг.: «Меня вместе с несколькими ребятами повезли через весь город в какой-то дом. Много позднее я узнал, что это был институт педологии. Тут с нами не церемонились: сразу же отняли всю одежду и взамен выдали джинсы, до полу, рубахи и тапочки. Назавтра я оказался в холодной комнате перед человеком в белом халате. Он обмерял мою грудную клетку, руки и ноги, долго измерял мою голову, что-то диктовал другому, сидевшему за столом, тот старательно записывал...

Когда мне стали показывать картинки и попросили рассказать, что я думаю о них, я принялся упорно твердить:

— Отвезите меня назад...

В конце концов меня признали трудновоспитуемым. Был зачислен в число дефективных и Силька... Он отчаянно отбивался ногами от служителей института, начавших его раздевать, кусался, вопил.

— Да он просто ненормальный! — с раздражением сказал мужчина в белом халате, который, судя по всему, был главным среди педологов.

К вечеру второго дня мы уже знали свою дальнейшую судьбу: нас было решено отправить на Фонтанку, в детский дом для дефективных детей»⁵.

В результате проведенной в течение дня серии тестов школьника могли признать умственно отсталым. М.Л. Гиндина (в замужестве Кротова, 1920–1996) вспоминала о середине 1930-х гг.: «Педология тогда была модная наука... Суть ее в том, чтобы, пользуясь специально составленными заданиями (тестами), педагог мог определить степень интеллекта и развития данного ребенка (или взрослого). У нас дома было много всяких книжек с тестами Бинэ-Симона, и я их без конца читала. Там приводились тесты даже для годовалых детей (показать ухо, нос и т. д.), и так для каждого года. Например, дают малышу спичечные

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПЕДОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЖЕНАУКИ
Педология — это наука о развитии личности и ее воспитании. Она изучает психическое развитие человека с детства до старости. Педологи исследуют влияние среды, воспитания, наследственности на развитие личности. Они стремятся выявить причины отклонений в развитии и найти пути их исправления. Педология имеет большое значение для воспитания молодежи, для борьбы с преступностью, для профилактики психических заболеваний. Педологи работают в школах, детских домах, психиатрических больницах, в научных учреждениях. Педология — это наука о человеке, о его развитии, о его воспитании. Педология — это наука о том, как сделать человека счастливым.

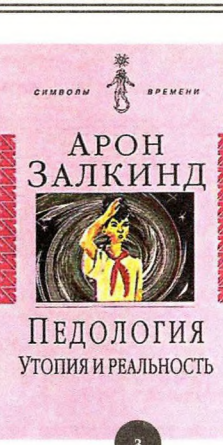
О педологических извращениях в системе наркомпросов
Педология — это наука о развитии личности и ее воспитании. Она изучает психическое развитие человека с детства до старости. Педологи исследуют влияние среды, воспитания, наследственности на развитие личности. Они стремятся выявить причины отклонений в развитии и найти пути их исправления. Педология имеет большое значение для воспитания молодежи, для борьбы с преступностью, для профилактики психических заболеваний. Педологи работают в школах, детских домах, психиатрических больницах, в научных учреждениях. Педология — это наука о человеке, о его развитии, о его воспитании. Педология — это наука о том, как сделать человека счастливым.

2

Постановление ЦК ВКП(б) о педологии. 1936 г. Газета «Магнитогорский рабочий» от 8 июля 1936 г.

2

Обложка запрещенной после постановления ЦК ВКП(б) книги А. Залкинда о педологии.

3

коробки с песком и велят разложить по степени тяжести. Или читают рассказ и спрашивают, что в нем неправильного. Все это было интересно и весело, пока не коснулось лично меня.

В седьмом классе у нас проводили «психотехнические испытания» по принципу тестов, чтобы определить профессиональную пригодность. Из десятка тестов я помню такие:

— В данном тексте (листок положен на толстый войлок) проколоть шилом все буквы «а».

— На рисунках, где рука держит молоток, указать, где держит правильно.

— В данном тексте подчеркнуть букву «о».

На все давалось определенное время. Потом моей маме дали прочитать вынесенный мне педологом приговор: «Умственно отсталая, к профессиональному обучению не пригодна»⁶.

Что такое колхоз?

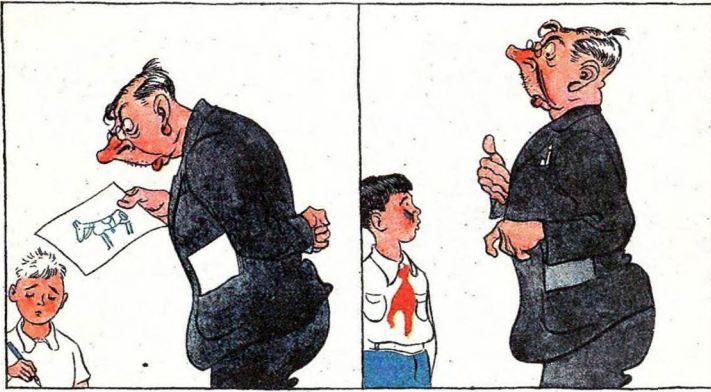
Судя по всему, школьников просто терроризировали этими тестами, причем медицинская квалификация пресловутых педологов была сомнительной.

«Проколоться» можно было и дав политически неправильный ответ. Вот свидетельство москвички о том, как в 1932 г. педологи признали ее, восьмилетнюю девочку, умственно отсталой за честный, но политически ошибочный по тем временам ответ: «В школе шли педологические обследования детей. Ласковая женщина настойчиво спрашивала меня, что такое колхоз. Я была застенчива и долго молчала. Но когда я пересилила себя и открыла рот, педолог тут же оборвала мою речь и вызвала маму. Маме в школе пришлось выслушать решительное заключение: у нее умственно отсталый ребенок. Оказывается, на столь простой вопрос педолога я ответила, что колхоз — это когда у крестьян забирают лошадей. У меня же был свой опыт. У мамы же хватило ума не спорить в стенах школы и было достаточно юмора не огорчаться приговором. Она долго потешала гостей рассказом о беседе с педологом»⁷.

Известный философ Александр Зиновьев (1922–2006) вспоминал о московской школе: «В 1933 году педологи изучали наши способности и зачисляли нас заранее в какую-то социальную категорию. Одним из тестов было продева-

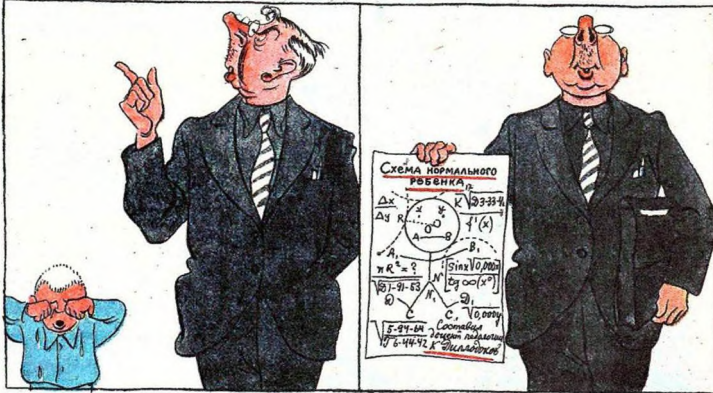
ИЗ НЕДАВНЕГО ПЕДОЛОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

Рис. Бор. Ефимова

— ПЕДОЛОГ! — Я для ребенка свин карандаш и предложил ему нарисовать какое-нибудь животное. Он нарисовал лошадь. Надо же признал детскость ребенка! рисует синюю лошадь. Требуется большая воспитательная работа.

— А вот ребенок с яро выраженным слабоумием. Я спрашиваю ребенка: «Какая разница между мною и ослом?». Ребенок сначала молчит, а потом отвечает: «У осла уши длиннее». Надо же полное отсутствие наблюдательности. Придется выделить в школу для умственно отсталых.

— Этот ребенок разбил свою книгу дома и тайно вынул у соседа для списывания во время письменной работы. Он совершил сразу три проступка: 1) обманул учителя, 2) обманул советскую власть, требующую от него добросовестной учебы, 3) украл книгу соседа. Это совершенно опасный тип несовершеннолетнего. Необходимо немедленно проэкзекровать.

— Здесь вы видите схему нормального ребенка, составленную персонально мною. Как вы видите, схема крайне проста, изучив ее и достигнув идеологически настроенному индивидууму.

(13)

4

ние ниток через дырочки в палках. Я это делал очень быстро, и меня педологи зачислили в рабочие, причем в текстильщики. Большинство других учеников класса педологи зачислили в категорию инженерно-технических работников. Все они смотрели на меня свысока, как будущие инженеры должны были бы смотреть на просто-работягу»⁸.

Конец педологии

Конец существованию педологии как науки и как школьной профессии положило Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. под хлестким названием «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Процитируем его наиболее информативные фрагменты: «Практика педологов, протекавшая в полном отрыве от школьных занятий, свелась в основном к проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде тестов. Эти «обследования» направлялись по преимуществу против неуспевающих или не укладывающихся в рамки школьного режима школьников и имели своей целью найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений школьника и тем самым найти повод для удаления школьников

из нормального школьного коллектива. В этих же целях действовала обширная система обследований, представляющая из себя форменное издевательство над учащимися. Ребенку задавались стандартные казуистические вопросы, после чего определялась степень его умственной одаренности. Все это вело к тому, что все большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и «трудных». На основании отнесения школьников к одной из указанных категорий педологи определяли подлежащих удалению из нормальной школы детей в «специальные» школы и классы для детей «трудных», умственно отсталых и т.д.

ЦК ВКП(б) постановляет: ликвидировать звено педологов в школах и изъять педологические учебники, упразднить преподавание педологии как особой науки в педагогических институтах и техникумах... Желających педологов-практиков перевести в педагоги»⁹.

Таким образом, в середине 1936 года педология была ликвидирована, а должности педологов были упразднены. Цитируемая выше М.Л. Гиндина-Кротова вспоминала: «Моя мама по специальности была педагог-педолог... Когда педологию «ликвидировали», маме отказались засчитать в педагогический стаж те десять лет, которые она проработала заведующей школой для нервнобольных детей, так как у нее в трудовой книжке было записано: «педагог-педолог»¹⁰.

Нанесенный по педологии в 1936 г. удар оказался настолько сильным, что она не возродилась ни в период хрущевской «оттепели», ни в годы брежневского «застоя», ни в годы горбачевской «перестройки», ни позже... Впрочем, не напоминает ли педологическое тестирование нынешний ЕГЭ? Вместо того, чтобы учить детей думать, от них раньше требовали «подчеркивать букву О», а нынче измеряют знания тестами — «контрольно-измерительными материалами (КИМами)». Тогда экспериментаторы были одернуты. И хотя единой науки о детстве, как таковой, до сих пор не существует, у всех ученых — представителей психологии и педагогики детства, антропологии детства, историков детской литературы и детских игр — с термином «педология» связаны лишь остро негативные ассоциации...

4

Страница журнала «Крокодил». 1936 г.

- 1 Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1948. С. 76.
- 2 Шкаровская И. Никогда не угаснет. Повесть. М., 1963. С. 95-96.
- 3 Шефнер В. Бархатный путь. СПб, 1999.
- 4 Самойлов Д.С. Из книги

- «Памятные записки». Сны об отце // Дружба народов. 1993. № 10. С. 223.
- 5 Маринов А.А. Детский дом. Документальная повесть. М., 1978. С. 18-19.
 - 6 Кротова М. Воспоминания // Библиотека Якова Кротова. — URL: <http://www.krotov.info/library>

- 7 Старикова Е. В наших переулках: биографические записи. М., 2003. С. 243.
- 8 Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. Книга мемуаров. М. 1999.
- 9 Народное образование. С. 76-78.
- 10 Кротова М. Воспоминания.